

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

ОЛЬГА ЛИСЕНКОВА

N SUGAR
BOOKS

Москва
2023

Посвящаю памяти моего мужа Андрея.

*На первом свидании мы с тобой пошли в кино
на «Мулен Руж».*

Дэвид Боуи пел там песню eden ahbez:

*The greatest thing
You'll ever learn
Is just to love
And be loved
In return*.*

* «Самое лучшее, чему ты когда-либо научишься, — это любить и быть любимым» (пер. с англ.).

Часть 1

Глава 1

Вернувшись домой раньше жены, Денис сразу кинулся на поиски. Где эта противная пупыристая склизкая шкурка? Где она может быть?

Наверняка в спальне. Его передернуло. Спальня была уголком уюта и покоя. Закрывая за собой дверь в спальню, он чувствовал себя в безопасности по крайней мере до следующего утра, когда придется откинуть одеяло, открыть форточку и шагнуть в ледяной душ, — а потом и в ледяной мир, где друзья могут подложить свинью, а невеста оказывается жабой.

Ладно, лягушкой, лягушкой.

Ему так нравилась их спальня! Покрывало и шторы в тон, какие-то не то розовые, не то бежевые. Вроде бы жена говорила, что кремовые. Шифоньер из ореха, зеркало, в которое можно смотреться в полный рост. Вешая его, Денис еще подумал, что жена наверняка будет перед ним крутиться. Ну да, ну да, он же представлял, что жена у него будет как у людей. То есть как люди. То есть как человек. То есть... тьфу ты.

Конечно, винить тут некого, что жена, чуть что, прячется в лягушачью шкурку. В принципе Денис об этом знал еще до свадьбы. Можно было с ней расстаться и познакомиться еще с кем-нибудь, с нормальной девушкой. Только ему уже не хотелось нормальную! Ему хотелось быть с ней, с этой ненормальной, удивительно прекрасной. Она смеялась так, что у него в животе от счастья все сжималось, как в детстве, когда подлетаешь высоко на качелях. Да что там, даже от одной ее улыбки становилось тепло и радостно. Когда она пекла пироги, квартира наполнялась такими ароматами, что сразу превращалась из типовой двушки в дом. С первой же минуты после их встречи Денис знал, что хочет на ней жениться и женится. Известие о том, что на самом деле она не совсем человек, а, кхм-кхм, как бы это сказать, чтобы поняли правильно... лягушка... не сильно повлияло на молодого безумца в пароксизме страсти. Но сейчас, через год после свадьбы, он наелся этим до отвала!

Ну представьте, каково это — знать, что твоя жена на самом деле потрясающая красотка, до которой далеко любой супермодели или голливудской фифе, и при этом мириться с тем, что она ходит лягушка лягушкой — и все видят ее лягушкой, между прочим. Ну не то чтобы в прямом смысле слова, кхм-кхм, это сложновато объяснить, и не сразу поймешь, ну ведь есть люди и не совсем люди, и все мы живем вместе... Царевна — но Лебедь. Разбойник — но Соловей. Ну или там Финист Ясный Сокол, понятное дело, герой-любовник. Стукнешься об землю, обернешься черт-те кем. А ты, болван,

стукайся не стукайся, никем не обернешься, только шишку на лбу набьешь и прямиком в травмпункт.

Он влетел в спальню, внимательно оглядел пол, даже под широкую двуспальную кровать залез. На полу ничего не было. Значит, она не просто сбросила лягушачью шкуру, как купальный халатик, а аккуратно сложила ее для дальнейшего использования. Бррр. Ему необходимо найти эту гадость и избавиться от нее как можно скорее, чтобы жена всегда представляла во всем блеске своей красоты, чтобы он мог ею гордиться. Ведь на самом деле она такая и есть — красивая и талантливая. О чем она думает, прячась в бородавчатую сырую кожу?

И ладно бы это было только в полнолуние, как случается с оборотнями, раз в месяц можно было бы и потерпеть. Нет, с его Васькой все было наоборот: в полнолуние она скидывала шкуру. Денис-то знал, что настоящая Василиса — красавица, умница и талантлище, но как донести это до нее самой?

Вот беспроигрышный вариант — спалить шкуру к такой-то матери. Не будет шкурки, придется ей жить в человеческом обличье, ладной и красивой, какая она и есть на самом деле. Вот жизнь у них пойдет! Глядишь, и на детей решатся.

Но где же эта проклятая мерзкая кожа? Он резко выдернул один за другим ящички туалетного столика. На столешницу посыпались какие-то баллончики и флакончики. Вот зачем они ей, пока она не распрощается с лягушачьей шкурой, скажите на милость! Какой-то флакон брякнулся на пол и, кажется, разбился. Денису было не до того. Он открыл шифоньер, глянул на висящие на плечи-

ках платья, перешел к полкам, но ничего не увидел. Бросился на кухню.

Здесь тоже было пусто. Конечно, слишком близко к огню, а она же так боится испортить свою суперпупердрагоценность — кожа лягушки, что вы, что вы.

Огонь. Денис достал спички и зажег духовку. Пусть прогревается. Он бросит кожу в огонь. Даже если та не успеет догореть, по крайней мере усохнет так, что будет Василиске мала. Или лучше запалить ее на открытом огне, на конфорке?

Ладно, это он потом решит. Сейчас надо как можно быстрее сжечь кожу, пока жена на встрече в полном блеске.

Судорожно продолжая поиски, он мысленно вел разговор с Васькой. Понимаешь, мне как мужу надое-ло... понимаешь, что это невыносимо... да, я знаю, что ты предупреждала, но можем же мы пожить как люди... Да я знаю, знаю, что... но ты должна в конце концов понять и войти в мое положение! Я так не могу больше, жить с жабой! С лягушкой, с лягушкой, извини, ну какая разница! Ты посмотри на себя, ты прекраснее всех на свете, ты невообразимая красавица, ты такая умница, ты свет очей моих, зачем тебе эта мерзопакость!

О, вот она. Лежит себе в ящичке для украшений. Для украшений, Бог ты мой, что за ирония. В ящичке для украшений! Прямо поверх дорогущих сережек, которые Денис подарил Ваське на Новый год. Сережки спадали каскадом переливающихся синих «капелек» — сапфиров. Глаза Василисы сверкали ярче, когда она надевала эти серьги, казалось, что ее

взгляд обретает волшебную силу и способен любого пронзить насквозь. Ему так нравилось, когда она их надевала! К ним шли вечерние наряды, в которых Васька становилась настоящей царицей. Особенно если распустит водопад светлых пышных волос. Но с Нового года она надела их дай Бог если один раз. «Слишком вызывающе, — сказала она, пожав плечами, в ответ на прямой вопрос. — Ну слишком нарядно. Не на каждый день. Это так роскошно».

Как будто сама не знает, что она роскошная. Превращает себя даже не в золушку, а в натуральную лягушенцию. Еще волосы закрутит в шишку, как какая-нибудь тетка из бухгалтерии прошлого века.

Денис вытащил из ящичка бежево-зеленую дрянь и встряхнул, чтобы расправить. Вопреки ожиданиям, кожа была не склизкой и не холодной. На ощупь она напоминала человеческую, и от этого становилось еще противнее. Он взял ее двумя пальцами и побежал на кухню. Духовка нагрела воздух, и по дому поплыл фантомный аромат булочек с корицей — Васька пекла вчера, да уже ничего от них не осталось, кроме запаха. Нет, духовка не подойдет, Денис не хотел осквернять это святое место жабьей кожей. Лучше на конфорке спалить, так оно вернее будет.

Он бросил шкуру на табурет и чиркнул спичкой. Синий огонек газа загорелся весело, вначале будто бы даже подмигнул и потом словно облизнулся, готовясь сожрать лягушачью кожу. Не давая себе времени подумать, Денис схватил любимую шкурку жены и сунул в огонь, не озаботился даже тем, как он будет держать ее, если она займется целиком.

Обжег пальцы. Бросил. Открыл кран, сунул руки под холодную воду и повернулся к плите.

Газ не погас. Шкурка осела шалашиком и на глазах стала съезживаться, а огонь обнимал ее со всех сторон. Пламя вскинулось к потолку. Денис отступил на шаг, не сводя глаз с чарующего зрелища. Запахло жженым мясом. Кожа стала алой, полетели искры. Одна ужалила его в щеку. Повалил черный дым.

«Форточку надо было открыть», — подумал Денис отстраненно.

— Что...? — раздалось от входной двери.

Послышался шум, будто что-то упало, и Денис повернул голову: не Васька ли грохнулась в обморок. Но она была сильной, его жена. Она отшвырнула сумку и прямо на шпильках влетела на кухню. Сунула руки в огонь, но вытащила только горящие ошметки. Они посыпались на пол, продолжая пылать.

— Ты так пожар устроишь, — заметил Денис, сложил руки ковшиком и плеснул под ноги ледяной воды.

От неожиданности Василиса подскочила на месте.

— Что ты наделал? — закричала она.

— Ты...

Все заготовленные формулировки испарились у него из головы. Что он мог ей сказать? На ее лице было написано совершенное отчаяние. И при этом она была неопишимо прекрасна. Глаза горели, словно два маяка. Васька искрилась, как атомная электростанция. Впрочем, атомные электростанции ведь

не искрят? Ну ладно, генерировала мощное поле энергии, от которого каждый волосок на теле Дениса встал дыбом.

— Вась, ты такая красивая, — пробормотал он. — Ну ее, кожу эту, давай мы про нее забудем просто и...

— Что ты наделал? — закричала она в полный голос, и его едва не сшибло с ног.

Он оперся о раковину. Вода все еще лилась, кухню заполнял черный дым.

Денис опустил взгляд. Обгоревшие куски кожи плыли в луже, разлившейся по итальянской плитке. Его затошнило. Василиса топнула ногой.

— Осторожно, скользко, — сказал он автоматически. — Вась, я тебя люблю. Ты красивая такая. Талантливая. Яркая. Тебе эта кожа...

— Это Я! Понимаешь, это Я! Я! Я! Я такая, я вот такая, это я, это я, это я! Ты не принимаешь, ты не принял меня, ты меня уничтожил!

— Вась, нет, это не ты. — Денис протянул к ней руки. — Ты вот передо мной стоишь, невредимая, я бы никогда... я пальцем тебя не... я же тебя люблю и хочу, чтобы ты сама себя принимала, а ты на самом деле красавица, я-то знаю, и пироги, и вообще...

Да что же это такое, слова не шли, будто он научился говорить по-русски. Лепечет, словно малый ребенок. Васька смотрела на него с отвращением, с презрением, с испугом, как будто он и правда осмелился ее ударить. Он схватил ее за плечо, обтянутое нежным шелком. Она вырвалась.

— Вась, это не ты, — сказал он отчетливо. — Ну не ты это, поверь. Это просто лягушачья шкура,